

Глава 10

У Цзян Тинчжоу оставались ключи от «Императорского пира». Отперев боковую дверь, он вошел внутрь — ресторан встретил его непривычной, зловещей пустотой.

Пришел он не один: следом за ним по пятам шли Ань Сяопин и Тянь Хуэй. И вернулся Тинчжоу, разумеется, вовсе не ради работы — ему нужно было просто забрать личные вещи из каморки для отдыха.

На сей раз обошлось без осложнений. В отличие от прошлой жизни, когда жестокая лихорадка переросла в двустороннюю пневмонию, сейчас он быстро пошел на поправку. Парня уже выписали из больницы, и ютиться в душной каморке при ресторане он больше не собирался. Пришло время окончательно съехать.

Когда его увозила скорая, он прихватил лишь телефон да связку ключей. Все остальные пожитки так и остались лежать в комнате отдыха.

Совесть Цзян Тинчжоу была чиста, так что он имел полное право явиться за своим добром открыто. И все же друзья за него переживали, а потому увязались следом — и подстраховать на случай скандала, и тяжелые сумки до машины дотащить.

По пути к заветной двери им никто не попался. Тинчжоу быстро собрал нехитрый скарб, доверив Ань Сяопину упаковать коробки, а сам отправился в зал за коечем поважнее.

Его кубок победителя до сих пор красовался в витрине главного зала. Награда была редкой и изящной — в форме позолоченной кулинарной ложки. Это был его личный трофей, и оставлять его здесь Тинчжоу не планировал.

Однако, подойдя к стеллажу, он обнаружил лишь пустое место. Полки сияли девственной чистотой.

Тинчжоу насупился. Он прошелся от парадного зала к административным кабинетам, но вокруг стояла гробовая тишина. Стояли выходные — дни, когда в ресторане яблоку негде было упасть от наплыва гостей, а столики бронировали на недели вперед. Сейчас же здание казалось вымершим. Лишь у самой кухни послышался глухой гул голосов.

Похоже, весь персонал стянулся туда. Кухня была забита под завязку, но привычной суетой и не пахло. На плитах без дела шумело несколько конфорок, повара и официанты уныло жались по углам, словно на партсобрании, а перед ними нервно мерил шагами пол управляющий Ян с прижатым к уху телефоном.

Стоило Тинчжоу подойти ближе, как до него донесся яростный, срывающийся на крик голос управляющего:

— Ты хоть понимаешь, скольких людей я из-за тебя против себя восстановил?!

— Контору со спам-ботами нашел мне ты! И как теперь прикажешь расхлебывать это дерьмо? Что значит «я не знал, на что ты идешь»?! Цзян Ю, твою мать, решил дурака включить под конец? Какого хрена ты умываешь руки?!

Пазл в голове Тинчжоу мгновенно сложился. Стало ясно, откуда у заштатного управляющего взялись ресурсы для наводнения соцсетей проплаченным хейтом. Цзян Ю приложил-таки свою холеную ручку к этой травле.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Очередная мелкая пакость в фирменном стиле сводного братца.

Стоило запахнуть жареным, как мерзавец тут же технично слился. Какая бы из сторон ни пострадала в этой сваре — Тинчжоу или управляющий Ян, — для Цзян Ю это оставалось бы сугубо внутренним конфликтом старого филиала. Чем громче скандал, тем выгоднее ему. Беспроектная позиция.

А теперь призвать его к ответу было попросту невозможно — оставалось только утереться и молча глотать обиду.

Повара замерли, боясь даже вздохнуть под этот яростный монолог. Но тут кто-то из персонала заметил стоявшего в дверях Цзян Тинчжоу и радостно вскрикнул:

— Шеф! Вы вернулись!

Тинчжоу впервые видел на лицах этих бездельников столько неподдельного восторга.

Су-шеф — бесхребетный флюгер, привыкший держать нос по ветру, — первым расплылся в подобострастной улыбке и буквально втащил Тинчжоу внутрь:

— Шеф, ну слава богу! В ресторане такой дурдом творится, мы только вас и ждем, чтобы навести порядок! Что же вы не предупредили, что выписываетесь? Я бы лично за вами машину отправил!

Стоило су-шефу подать голос, как остальные мигом очнулись и наперебой заголосили, заискивающе кланяясь:

— Шеф-повар Цзян!

— Здравствуйте, шеф!

Раньше Тинчжоу вкалывал без выходных и праздников, буквально живя на этой кухне. И за годы его безотказности эти люди просто забыли, на ком на самом деле держится весь их бизнес.

Первые пару дней без него они как-то перебивались. Гости ворчали на пресную еду, но с этим еще можно было бороться: простые позиции меню повара худо-бедно выдавали, а бренд «Императорского пира» привлекал людей по инерции. Однако когда посыпался вал гневных рекламаций от VIP-клиентов, ситуация окончательно вышла из-под контроля. Ресторану пришлось экстренно закрыться на «технические работы».

Никакие щедрые скидки и извинения управляющего Яна не могли унять ярость обманутых богачей, привыкших к гастрономическим шедеврам.

Команда оказалась в тупике — с подобным кризисом они не сталкивались никогда.

Раньше любые капризы гостей улаживал лично Цзян Тинчжоу. Он выходил в зал, терпеливо выслушивал любые претензии с неизменной мягкой улыбкой, а затем прерывал гневные тирады преподнесением авторского комплимента от шефа, возвращая гостям ощущение их исключительности. Теперь же масштаб катастрофы превзошел все мыслимые пределы, а повторить его кулинарные шедевры на кухне было попросту некому.

Тинчжоу безразлично высвободил локоть из цепких пальцев подоспевшего метрдотеля и прислонился к дверному косяку. Скользнув взглядом по плитам, он небрежно бросил:

— На третьей конфорке убавьте огонь. Бульон сейчас пригорит.

Стоявший у плиты поваренок испуганно дернулся и крутанул вентиль. Но Тинчжоу уже почуял тонкую гарь и досадливо поморщился. Одного взгляда на варево хватило, чтобы понять: блюдо загублено.

Ингредиенты заложили не в том порядке, да и с температурным режимом напортачили. Искушенный гость сразу поймет, что ему подали бурду, а исправить эту похлебку уже ничто не могло.

Управляющий Ян застыл как изваяние, сверля вошедшего тяжелым взглядом. Зато метрдотель так и заструился елеем:

— Какое счастье, что ты пришел, Тинчжоу! Без тебя тут как без рук. Мы все вели себя как идиоты, признаем. Но ведь «Императорский пир» — наше общее детище! Мы все исправим, компенсируем, только не бросай нас в такую минуту, не стой в стороне!

Каждый день простоя оборачивался для ресторана колоссальными убытками, напрямую угрожая их зарплатам и премиям. И теперь эти лицемеры готовы были целовать песок, по

которому он ходил, лишь бы вернуть его на кухню.

Тинчжоу лишь брезгливо отмахнулся:

— Избавьте меня от этого дешевого спектакля. Спасать вашу богадельню я не нанимался. Я пришел забрать свои вещи. Свой наградной кубок я забираю. И все дипломы, вырезки из журналов и фотографии с почетными гостями, на которых есть мое лицо, тоже отправятся со мной.

Ведь роскошная стена почета в холле «Императорского пира» за последние годы целиком состояла из его личных достижений.

— Да как ты смеешь?! — взвился управляющий Ян, мгновенно багровея. — Это имущество заведения! Ты не имеешь права прикасаться к экспонатам!

— Это решать не тебе, — холодно усмехнулся Тинчжоу.

На конкурс он заявлялся как частное лицо, и на кубке было выгравировано именно его имя.

— Повторяю вопрос: где кубок-ложка? Куда вы его засунули? Живо верните.

Метрдотель испуганно переглянулся с коллегами и поспешно вклинился между ними, нацепив самую заискивающую мину:

— Тинчжоу, ну зачем же рубить с плеча? Мы ведь столько лет бок о бок отпахали. Не стоит сжигать мосты из-за пустяков, любой вопрос можно уладить миром.

Он незаметно дернул управляющего за рукав, умоляя взглядом не нагнетать обстановку. Повара и подсобные рабочие тут же принялись наперебой поддакивать:

— Управляющий Ян, ну в самом деле, помягче надо! Человек только из больницы, после тяжелой болезни, ему нервничать противопоказано!

— Конечно! Если шефу так дорог этот кубок, отдайте его, делов-то!

— Извинитесь перед ним, управляющий Ян! Ради общего дела можно и гордость умерить. Нам ресторан открывать надо!

— И вообще, в больнице вы действительно палку перегнули. Зачем было распускать руки и толкать его?

«Лицемерные твари! — мысленно взвыл Ян. — Да ведь вы же сами зудели мне под ухо, что этот сопляк зажрался, бросил кухню в разгар сезона и его нужно проучить!»

Управляющий обернулся к подчиненным. Его взгляд выражал крайнюю степень потрясения.

Он считал себя непререкаемым авторитетом, полновластным хозяином этого коллектива. Думал, что пришлому выскочке Тинчжоу понадобятся годы, чтобы втереться к ним в доверие. А теперь эти прихлебатели без зазрения совести предали его, сделав козлом отпущения ради спасения собственных шкур.

Под натиском всеобщего презрения бывшая спесь управляющего окончательно испарилась. Он сдулся и выдавил пересохшими губами:

— Да я... его в головной офис отправил. Руководство сказала, что кубок нужен для пиар-выставки. Я просто передал курьеру, только и всего...

Тинчжоу издевательски протянул:

— Вот как? Значит, взяли чужую вещь без спросу и даже не подумали предупредить? И чье же это было решение? Головного офиса? И где же сейчас эти гении маркетинга? Почему не спасают твой тонущий корабль?

Эти слова без промаха ударили по самому больному месту Яна.

Из главного офиса «Пищевой компании Цзян» действительно звонили ежедневно. Вот только вместо помощи на него сыпался отборный мат и требования немедленно всё уладить, пока скандал не похоронил репутацию бренда.

Он из кожи вон лез, пытаясь умиловить постоянных клиентов, но среди разгневанных гостей оказались столь влиятельные фигуры, что их совокупный капитал превышал активы всего семейства Цзян. Перед ними даже сам господин Цзян Ишэн лебезил бы, не смея поднять глаз.

Вся мнимая влиятельность Яна растаяла как дым при первом же серьезном шухере. Вчерашние покровители теперь за версту обходили его стороной. Даже Цзян Ю, который еще вчера заискивающе лепетал: «Дядя Ян то, дядя Ян сё», теперь заблокировал его номер и трусливо забился в нору.

Ирония судьбы заключалась в том, что единственным человеком, способным удержать эту разваливающуюся машину от краха, был презируемый им мальчишка.

Ян сглотнул вязкую слюну и сиплым, лишенным прежней уверенности голосом заговорил:

— Тинчжоу... у тебя ведь есть план, верно? Ты знаешь, как все исправить. Помоги мне замять этот скандал, и клянусь, завтра же твой кубок будет стоять на этой кухне!

Тинчжоу удивленно приподнял бровь:

— Ты совсем из ума выжил под старость? Этот кубок принадлежит мне по закону. Скажи спасибо, что я до сих пор не подал на тебя в суд за кражу и рукоприкладство, а ты еще смеешь ставить мне условия?

— Нет-нет, это не шантаж! — испуганно замахал руками Ян, утирая градом катящийся пот. Буквально за пару минут он постарел лет на десять. — Я просто... Тинчжоу, я готов искренне извиниться перед тобой. На коленях, если надо! Я кругом виноват, бес попутал. Но пойми, если ресторан обанкротится, мне конец. Я отдал этому месту всю свою жизнь! Только ты можешь нас вытащить. Прости меня, умоляю. Не губи ресторан, дай нам шанс выжить.

Бездействие грозило ему позорным увольнением с волчьим билетом, что в его возрасте означало полный крах карьеры. Да и престиж «Императорского пира» будет растоптан навсегда.

Управляющий выглядел побитой собакой, в его тусклых глазах застыл первобытный страх. Извинения лились из него полноводной рекой, но Тинчжоу остался холоден:

— Твои извинения гроша ломаного не стоят.

Все эти причитания сейчас казались бессмысленным шумом.

Не успело эхо его слов затихнуть, как у управляющего подкосились колени. Стиснув зубы, он под удивленные вздохи толпы рухнул прямо на грязный кафельный пол.

— Если ты pomoжешь замять скандал, клянусь, отныне вся власть в ресторане будет у тебя! Буду выполнять любое твое слово! Тинчжоу, завтра заседание совета директоров, там поднимут этот вопрос. Я выступлю свидетелем на твоей стороне. Завтра вы с Цзян Ю сойдетесь в открытом бою, но ваша война на этом не кончится. Тебе еще не раз понадобится верный человек в руководстве старого филиала! Только помоги в этот раз. Я на все готов, бессловесной тварью стану, только не бросай!

При одном упоминании о Цзян Ю его лицо перекосило от бессильной ярости.

Услуги пиар-ботов стоили баснословных денег. Ему пришлось дважды расплачиваться с интернет-киллерами из собственного кармана, что практически опустошило его счета. Увольнение сейчас означало бы полную финансовую и социальную смерть.

Повара и подсобные рабочие тоже сжались от страха — закрытие «Императорского пира»

лишало их средств к существованию.

Оклады и премии здесь в два-три раза превышали среднерыночные по городу. Понимая это, вчерашние насмешники теперь стояли с покаянно опущенными головами, преданно заглядывая Тинчжоу в глаза, словно узрели сошедшего с небес спасителя.

Глядя на этот цирк, Тинчжоу едва сдерживал издевательский смех.

Воспоминания о прошлой жизни накатили горькой, удушливой волной, делая развернувшуюся сцену еще более нелепой.

Тогда он, валяясь на больничной койке с высокой температурой и едва хрипя, сутками висел на телефоне, координируя работу кухни. Несмотря на то что никто из подчиненных не умел готовить сложные авторские блюда, Тинчжоу сумел выстроить процесс так, что за неделю ресторан не получил ни одной жалобы, а выручка только росла.

И какова же была благодарность? Стоило ему вернуться на работу, как эти же люди начали шептаться у него за спиной, обвиняя в жадности, самодурстве и маниакальном желании контролировать каждый чих. Будто его забота была попыткой показать собственную незаменимость. Ни одна живая душа не сказала ему простого «спасибо».

Весь персонал этого заведения, начиная от управляющего Яна и заканчивая последним мойщиком посуды, состоял из прожженных интриганов. Тинчжоу, пришедшему со стороны, пришлось пережить настоящий ад, чтобы заставить их уважать себя. А стоило просто уйти, хлопнув дверью и предоставив их собственной глупости, как они мигом шелковыми стали.

Ну не анекдот ли?

В этот момент из коридора донеслись быстрые шаги, и в дверях показались Ань Сяопин и Тянь Хуэй с тяжелыми сумками в руках.

Тинчжоу велел им подождать, пообещав быстро уладить одно дельце, но затянувшийся шум на кухне заставил их насторожиться. Заглянув внутрь, они остолбенели.

Вся кухонная свора сгрудилась в кучу, их некогда грозный предводитель стоял на коленях в грязи, а посреди этого безумия возвышался абсолютно спокойный Цзян Тинчжоу.

— Эй! Вы что тут устроили?! — яростно взвизгнул Ань Сяопин, швыряя сумку на пол. — Решили толпой на жалость надавить, уроды?!